

ЭО, 2010 г., № 3

© Л.Т. Соловьева. Рец. на: *Симон Джанашиа. Черкесские дневники*. Тбилиси: Кавказский дом, 2007. 265 с., ил.

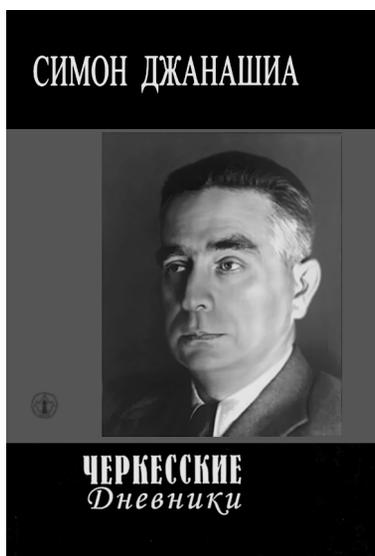
Издание рецензируемой книги, осуществленное по инициативе Центра культурных взаимосвязей Грузии “Кавказский дом”, можно считать знаменательным и долгожданным для кавказоведов событием. В оригинале, на грузинском языке, “Черкесские дневники” были изданы еще в 1968 г. в IV томе трудов автора (*Джанашиа* 1968), но широкому кругу специалистов они оставались недоступными. Переводы с грузинского сделаны лингвистами-кавказоведами – дочерью С.Н. Джанашиа, Русудан Симоновной Джанашиа, и Тamarой Уджуху.

“Черкесские дневники” С.Н. Джанашиа представляют собой записи разнообразных материалов лингвистического, этнографического, исторического характера, которые молодой грузинский исследователь собирал и тщательно фиксировал во время своих поездок в 1929 г. по Адыгейской автономной области, Шапсугскому р-ну Краснодарского края и Кабардино-Балкарии, а также в период своего пребывания в г. Краснодаре.

Наряду с дневниками, которые занимают половину объема книги, в ней помещен целый ряд интересных материалов: краткий отчет С.Н. Джанашиа о поездке в Адыгею и Шапсугский р-н, адресованный Совету педагогического комитета, “Послесловие” К.В. Ломтатидзе к IV тому трудов С.Н. Джанашиа, статья В. Шенгелиа “Академик С.Н. Джанашиа – исследователь адыгских языков” (впервые опубликована в Вестнике Кабардино-Балкарского НИИ, 1973, № 7), а также статьи Р.С. Джанашиа (“Из истории черкесско-грузинских отношений”) и Р.С. Джанашиа и Т. Уджуху “Черкесские дневники Симона Джанашиа”. Здесь же помещены впервые переведенные на русский язык четыре очень важные для кавказоведения работы С.Н. Джанашиа, затрагивающие проблемы взаимодействия народов Северного Кавказа и населения Грузии: “Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии”, “Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи”, “Из древнейшей хронологии истории Грузии по языковым материалам”, “К генеалогии Эгнатэ Ингороква”.

Известный грузинский историк, крупнейший специалист по истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, академик Симон Николаевич Джанашиа (1900–1947), стоявший у истоков создания Академии наук Грузии, был одним из первых выпускников Тбилисского государственного университета, основанного в 1918 г. И.А. Джавахишвили. Для выпускников ТГУ, питомцев исторической кавказоведческой школы И.А. Джавахишвили (в их числе наряду с С.Н. Джанашиа такие видные кавказоведы, как А. Чикобава, В. Топуриа, Г. Рogaва, К. Ломтатидзе), был характерен активный интерес ко всему Кавказскому региону в целом. Этот интерес был обусловлен убежденностью в том, что история грузинского народа всегда была тесно связана с историей и культурой народов Кавказа, и наиболее объективное исследование проблем грузинской истории, культуры, языка возможно лишь при учете данных по соседним народам. Именно это и подвигло С.Н. Джанашиа первым из грузинских историков отправиться на Северный Кавказ.

В “Отчете” о результатах этой поездки он писал: “Целью этой командировки было собрать на месте и перепроверить материалы из языковой и этнографической действительности черкесских племен, потребность в которых возникла при работе над вопросами истории Грузии” (с. 8). Следует напомнить, что в 1920-е годы эти вопросы оставались еще малоизученными. С.Н. Джанашиа отмечал: «Необходимость поработать на месте была вызвана состоянием литературы по данному вопросу. Если кавказские языки вообще считаются неизученными, то это в первую очередь касается черкесского, особенно “кяхского” языка» (с. 8).



Первоначально С.Н. Джанашиа планировал посетить также Черкесскую автономную область (с центром в г. Баталпашинск, как тогда назывался Черкесск), поскольку этот регион был интересен для него как “основная территория распространения бесленеевского наречия (это переходная ступень между кяхским и кабардинским) и абазинского языка (языка закавказских абхазов)” (с. 8). (“Закавказские” абхазы – буквальный перевод с грузинского, т.е. абхазы, живущие на Северном Кавказе, поскольку для Грузии Северный Кавказ – это область “за Кавказом”, т.е. находящаяся за Главным Кавказским хребтом.) Но от поездки в этот район пришлось отказаться из-за недостаточного финансирования.

22 апреля 1929 г. С.Н. Джанашиа выехал из Тбилиси и через Баку (из-за плохой погоды поездка по Черному морю была невозможна) прибыл 25 апреля в Краснодар. До середины мая он работал в Краснодаре и у кубанских шапсугов в ауле Афиписп. Пребывание в Краснодаре было очень плодотворным, поскольку здесь С.Н. Джанашиа мог работать со студентами педагогического техникума, приехавшими в краевой центр из разных населенных пунктов, а также с представителями местной интеллигенции. Как отмечал С.Н. Джанашиа, “основной рабочей базой нами был избран г. Краснодар с учетом того, что в этом городе расположены главные училища-интернаты всей области (педагогический техникум, рабочая опытно-показательная школа, советско-партийные школы и т.д.), где собрана молодежь из самых разных регионов. У меня была возможность познакомиться с представителями всех племен и в то же самое время я мог найти надежных переводчиков” (с. 8). Затем он посетил аулы Тлюстенхабль, Джамбечи, Уляп, Хакуринохабль, Мамхег и др. В конце мая С.Н. Джанашиа побывал у черноморских шапсугов, и оттуда через Абхазию 3 июня вернулся в Тбилиси. В конце июля и в августе он совершил поездку в Кабардино-Балкарию, в том числе посетил и с. Нартан, где познакомился с Бек-Мурзой Пачевым, народным поэтом и просветителем, который самостоятельно изучил арабский язык и на основе арабской письменности создавал кабардинскую азбуку. Таковы были маршруты поездок грузинского исследователя в 1929 г., научные результаты которых содержатся в дневниковых записях. К сожалению, ученому не удалось должным образом обработать эти полевые материалы. По сути это лишь черновики возможных научных работ. Тем не менее и в таком виде они представляют огромный интерес для кавказоведов.

Судя по материалам дневников, основное внимание С.Н. Джанашиа уделял лингвистическим изысканиям. При фиксации этого материала ему помогало университетское языковедческое образование и знание абхазского языка. Но и “чисто лингвистические” данные нередко очень важны для этнографов, поскольку исследователь записывал термины, обозначающие названия дней недели и месяцев, различных местных блюд, предметов одежды, танцев, музыкальных инструментов, жилищ и различных строений, божеств, культовых предметов (крест – *джор*) и многое другое. Например, в ауле Уляп С.Н. Джанашиа зафиксировал такую деталь: Тифлис здесь называют “Курдже”, а для обозначения жителей Грузии пользуются русским словом “грузин” (с. 123). В Тлюстенхабле было записано следующее любопытное наблюдение: «В беседе с русскими черкесы для обозначения “женщины” применяют слово “марушка” (исковерканное “Маруська”» (с. 15). Этнографические материалы “Черкесских дневников” касаются не только тех населенных пунктов, где ученый побывал лично. В Краснодаре он нашел информантов и из аулов (Ассоколай, Адамий, Егерукай и др.), куда он не успел добраться.

Практически у всех информантов исследователь старался записать следующие сведения: представители каких племен живут в данном ауле – бжедуги, темиргоевцы, абадзехи и т.д.; известные в данном населенном пункте фамилии, женские и мужские имена, происхождение названия аула и его кварталов, топонимы (названия рек, ущелий, гор, лесов, урочищ и т.д.) и т.п. Но в дневниках имеются материалы, которые освещают практически все стороны сельской жизни адыгов: расположение селений и устройство жилищ, особенности семейного быта, положение женщин, религиозные представления, обряды, приготовление пищи, нормы гостеприимства и многое другое.

Наверное, было бы преувеличением назвать полевые дневники С.Н. Джанашиа “энциклопедией” жизни черкесских селений конца 1920-х годов, но в своих записях молодой исследователь смог охватить действительно весьма широкий круг тем и вопросов и так живо и непосредственно передать свои впечатления от увиденного, что создается ощущение, что ты не читаешь чьи-то записи, а сам наяву наблюдаешь все происходящее. Большое внимание С.Н. Джанашиа уделял языковым вопросам: взаимоотношение диалектов, степень их сохранности в том или

ином селении и т.д. Но он фиксирует не только сухие научные наблюдения, но и живое восприятие населением этих языковых процессов, отношение народа к тому, что один язык (или диалект) в силу пусть даже объективных причин сменяется другим. Так, побывав в ауле Уляп, он отмечает: “Некоторыми из присутствующих абазин язык уже позабыт. Мой приход сильно взволновал их, скорбят о родном языке. Один говорит: если бы можно было купить язык, я бы много заплатил за родной язык” (с. 119). В этом же ауле исследователь отметил, что средних лет абазин “старается убедить здешних абазин, что надо сохранить свой язык, но у этой пропаганды не очень большие результаты. Молодежь почти целиком перешла на бесленеевский” (с. 10). Узнав от С.Н. Джанашиа, как по-абхазски слово “кукуруза”, местные абазины (абазинский язык близок абхазскому) “страшно обрадовались”: “У нас, говорят, с бесленеями всегда спор, чей язык лучше”. Автор так объясняет причину их радости: “Бесленей, как видно, выигрывали у них тем, что у абазин нет названия кукурузы” (с. 113).

Особая ценность дневников в том, что записи фиксируют то, что С.Н. Джанашиа наблюдал сам. Так, он описывает увиденный им в ауле Мамхег обряд *чапи* (он проводился обычно около раненого или больного): “Чапш был устроен для одной старухи, которая не то сломала, не то что-то повредила себе. Когда мы пошли, был уже двенадцатый час ночи. Народу было много, около 70–80 человек: взрослые и молодые, женщины и мужчины. Девушки и юноши танцевали в кругу. Играла одна гармонь и несколько кастаньет... Женщины (видно, только те, что были на выданье) стояли на ногах, некоторые юноши сидели на земле... Нас представили старцам и указали на почетные места” (с. 129).

Отметив, что в Афисипе его принимал в своем доме человек по фамилии Шоуген, он пишет, что термин *шоуген* и теперь употребляют в этом ауле в значении “христианский священник”, в Кабарде – в значении “знающий грамоту” (с. 70).

Не удивительно также, что молодой исследователь не оставил без внимания и повсеместно знаменитых своей красотой черкешенок. В ауле Афисип, поскольку он интересовался, “насколько здесь сохранился тип женщины”, его повели к соседям, чтобы показать местных красавиц. С.Н. Джанашиа отмечает, что это “не вызвало никакого стеснения”, поскольку незамужняя женщина “пользуется особыми привилегиями: она всегда может свободно принять гостя. Также любой юноша может прийти в гости к девушке. В деревне такие посещения, ухаживания, оказываются, совершенно обычное явление... Черкесских женщин (незамужних) вообще характеризует то, что они держатся свободно, смеются, шутят” (с. 85).

Из материалов, опубликованных в книге, хотелось бы отметить статью Р.С. Джанашиа “Из истории черкесско-грузинских отношений”, где рассматриваются материалы о сотрудничестве адыгских и грузинских историков. Эти контакты начались в 1925 г., когда в Тбилиси из Краснодара приехал Ибрагим Навруз, инициатор создания Адыгейского музея, для поисков черкесских материалов в местных музеях и архивах. Письма к С.Н. Джанашиа 1920–1930-х годов от его адыгейских коллег И. Навруза, А. Бжассо и И. Цея – ценнейшее свидетельство того, с какими трудностями было связано создание Адыгейского музея в недавно созданной автономии, какую неоценимую помощь оказывали в этом начинании Грузинское историко-этнографическое общество во главе с председателем И.А. Джавахишвили и секретарем С.Н. Джанашиа, Центральный архив и другие государственные организации Грузии. Письма содержат также важные этнографические сведения. Так, И. Навруз в письме от 16 декабря 1927 г. сообщает, что приобрел семь женских национальных костюмов, нагельную рубашку 1820–1838 гг., исписанную арабскими молитвами, “предохранявшими от пуль и стрел”, которая принадлежала Джембулату Болотокову, а также шлем, кольчуги и др. (с. 231). Письмо И. Навруза от 23 июля 1926 г., где он рассказывает о судьбе шапсугского знамени, привезенного им из тбилисского музея, свидетельствует о глубине исторической памяти народа: шапсуги Туапсинского округа потребовали вернуть им это знамя, потерянное их предками в годы давней Кавказской войны. Когда Северо-Кавказский Крайисполком предписал Облисполкому выдать это знамя Шапсугскому Райисполкому, а затем шапсуги выступили на съезде советов Новороссийского округа и вынесли постановление о возвращении им знамени, И. Наврузу пришлось составлять немало справок о том, что “знамя потеряно в бою”, что оно является музейным экспонатом и подлежит хранению “только в музее, а не в районных исполкомах”. Тогда шапсуги “в честь знамени” устроили грандиозный праздник, где в течение трех дней гуляли около 10 тысяч человек из аулов и станиц. И. Навруз “с музейными экспонатами выезжал на это торжество по распоряжению властей” (с. 230). Подобных интересных для этнографов сведений в приводимых в статье письмах немало.

В заключение отметим, что рецензируемая книга будет интересна и полезна историкам, этнографам, музеоведам, лингвистам, краеведам. Записанные С.Н. Джанашиа 80 лет назад “в поле” этнографические материалы, как свидетельства очевидца и богатый первоисточник, никогда не утратят своего значения. Не менее важны также переводы статей С.Н. Джанашиа и работ, посвященных его деятельности и творческому наследию. Теперь, когда эти материалы изданы на русском языке и стали доступны более широкому кругу специалистов, несомненно, к ним будут обращаться все те, кого интересует этот район Кавказа. Кроме того, материалы этой книги говорят о плодотворности того подхода, который был характерен для творчества грузинского историка – не замыкаться в рамках одного региона Кавказа, но искать взаимосвязи с соседями ближними и дальними, находить там ответы на многие нерешенные вопросы прошлого.

Литература

Джанашиа 1968 – Джанашиа С.Н. Труды. Т. IV / Под ред. В.Т. Топуриа и К.В. Ломтатидзе. Тбилиси, 1968. (на груз. яз.).

ЭО, 2010 г., № 3

© А.О. Захаров. Рец. на: *From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra* / Eds. D. Bonatz, J. Miksic, J.D. Neidel, M.L. Tjoa-Bonatz. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. XIV, 509 p., il.

Коллективная монография “Из старых сказок: археология и этническая история горных районов Суматры” представляет собой опыт переосмысления накопленного материала о сообществах нагорий Суматры. Она состоит из “Введения” и четырех частей: “Общее”, “Северная Суматра”, “Центральная Суматра” и “Южная Суматра”.

“Введение”, написанное Д. Бонацем (Германия), Дж. Миксичем (Сингапур), Дж.Д. Найделом (США) и М.Л. Чоа-Бонац (Германия), содержит обзор географии, истории изучения и ключевых проблем исследования Суматры. Главная из них – взаимоотношения обитателей горных и долинных районов. Авторы “Введения” утверждают, что отношения центр–периферия, характерные для мир-систем, были взаимовыгодными для всех участников этих отношений. Возможно, что традиционное уравнение центр–долины и периферия–горные районы – предрассудок исследователей, введенных в заблуждение исходящими от жителей долин источниками и понятиями. К другим проблемам исследования авторы относят роль тамиллов и сухопутных коммуникаций в истории Суматры.

В рецензии нет возможности подробно осветить все статьи сборника, поэтому я сосредоточусь на наиболее важных в этнографическом отношении темах.

Отношения между обществами нагорий и долин различно трактуются авторами сборника. Так, Дж. Миксич в статье “Связи горных и равнинных районов в Джамби, Южная Суматра, и Западной Суматре в XI–XIV вв.” в противовес традиционному представлению о господстве низовий и устьев рек в историческом развитии утверждает, что преобладали горные районы, выходы из которых и создали широко известные полинии Малайю и Шривиджайя. Он подчеркивает, что на Суматре ни один из центров какой-либо политики не располагался в устьях главных рек – они находятся вверх по течению у впадения ключевых притоков. Историческое преобладание Палембанга (центра Шривиджайи) и Джамби (Малайю) связано с высоким плодородием их верховий, которое обусловлено вулканической активностью.

Напротив, Х. Кульке (Kulke, Германия) в статье “Горное царство Адитьявармана” доказывает, что созданная Адитьяварманом в середине XIV в. политика была уникальным явлением для внутренних районов Суматры. Ядро его царства располагалось в области Танах Датар около озера Синггарак и холма Букит Гомбак в землях минангкабау. Кульке ссылается на отсутствие скульптуры, надписей и зданий, относящихся к предшествующим и последующим векам исторического развития: известно свыше 20 надписей Адитьявармана, но только одна – его преемника.

Антон Олегович Захаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; e-mail: Zakharov_anton@mail.ru